

DOI: 10.31857/S032150750030072-1

Арктический вектор в полярной политике Китая

© Николаев Н.А.^а, 2024

^а ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8624-7829; nikolaev.science1993@gmail.com

Резюме. В статье рассматривается государственное регулирование китайской деятельности в Арктике как часть общей полярной политики Китая, а не отдельно осуществляемой арктической политики Пекина, как многие привыкли считать.

Это обусловлено рядом обстоятельств, возникших в период формирования основ китайской научной деятельности в полярных регионах. К наиболее важным следует отнести то, что она регулируется одной нормативной базой и одними теми же ведомствами, а также рассматривается как одна из частей двусоставной основы международно-политического самопозиционирования Китая на базе идеи «сильной полярной державы».

С начала 2010-х гг. деятельность Китая в полярных регионах начинает рассматриваться как часть китайских планов военно-морского строительства до 2050-х гг. и политического курса Пекина в «четырёх новых стратегических рубежах». В рамках того же планового периода до 2040–2050-х гг. Китай стремится быть готовым начать деятельность также в центральной части Северного Ледовитого океана в случае её освобождения ото льдов.

Ключевые слова: полярная политика Китая, политика Китая в Арктике, самопозиционирование Китая, «сильная полярная держава», «четыре новых стратегических рубежа», военно-морское строительство

Для цитирования: Николаев Н.А. Арктический вектор в полярной политике Китая. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 2. С. 15–22. DOI: 10.31857/S032150750030072-1

The Arctic Vector of China's Polar Policy

© Nikolai A. Nikolaev^a, 2024

^a IMEMO, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8624-7829; nikolaev.science1993@gmail.com

Abstract. The article discusses the state regulation of Chinese activities in the Arctic carried out as a part of China's Overall Polar Policy, and not as a separately implemented Arctic Policy of Beijing, as many people are accustomed to believe.

This is due to a number of circumstances that arose during the formation of the foundations of Chinese scientific activity in the polar regions. The most important ones include the fact that it is regulated by the same regulatory framework and the same agencies, as well as being considered as one of the two-part basis of China's international political self-positioning based on the idea of "a strong polar power".

Since the early 2010s, China's scientific activities in the polar regions have begun to be seen as part of China's plans for naval construction through the 2050s and Beijing's political course in the "four strategic new frontiers". As part of the same planning period through the 2040s–2050s, China aims to be ready to begin activities in the central Arctic Ocean, if it is free of ice.

Keywords: China's Polar Policy, China's Arctic Policy, China's self-positioning, "a strong polar power", "strategic new frontiers", naval construction

For citation: Nikolaev N.A. The Arctic Vector of China's Polar Policy. *Asia and Africa today*. 2024. № 2. Pp. 15–22. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030072-1

ВВЕДЕНИЕ

В международном дискурсе Арктика уже давно де-факто рассматривается как отдельное приоритетное направление внешней политики Китая. В официальных кругах и в китайской экспертной среде научные исследования в Арктике считаются частью общей политики Китая в полярных регионах. Это обусловлено следующими обстоятельствами:

– Научная деятельность в Арктике и Антарктике проводится или синхронизирована с исследованиями одних и тех же ученых из институтов, подведомственных и курируемых едиными госорганами КНР – это Государственное океанологическое управление (ГОУ КНР) и Китайский институт полярных исследований (КИПИ). В первой половине 2010-х гг. на основе своих научных достижений за предыдущие годы Китай предпринимает попытку выдвинуть идею китайского самопозиционирования как «сильной полярной державы» (*цзиди цяньго*) в Арктике и Антарктике.

– Политический курс Китая в Арктике и Антарктике, прежде всего его научный вектор, продолжает рассматриваться как целая часть китайской политики в «четыре новых стратегических рубежах», включающих в себя, помимо собственно полярных регионов, космос, Интернет, районы морского дна.

– Наличие общей нормативной базы, регулирующей в том числе относительно самостоятельный экономический вектор в Арктике.

С публикацией в январе 2018 г. Белой книги Государственного совета КНР «Политика Китая в Арктике» становится очевидным, что начался процесс выделения арктического вектора общей полярной политики Пекина в отдельный политический курс в Арктике¹. Драйвером этого выделения в отдельную арктическую политику выступает заинтересованность Пекина в расширении экономического присутствия в Арктике. При этом важным стимулом для Пекина стала убежденность, что к 2040–2050-м гг. центральная часть Северного Ледовитого океана освободится ото льдов, открыв для Китая возможность вести в этих «будущих международных водах» самостоятельную экономическую деятельность – освоение и добычу природных и биологических ресурсов, а также навигацию по т.н. трансарктическому маршруту.

САМОПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ КИТАЯ НА ОСНОВЕ ИДЕИ «СИЛЬНОЙ ПОЛЯРНОЙ ДЕРЖАВЫ»

У истоков формирования идеи «сильной полярной державы» стояли представители т.н. китайского полярного сообщества, принимавшие активное участие в расширении присутствия Китая в Арктике, в первую очередь в годы работы министра земельных и природных ресурсов КНР Сюй Шаоши (2007–2013), по совместительству представителя верхушки «комсомольцев» и одного из ближайших соратников премьера Государственного совета КНР Вэнь Цзябао (2003–2013). К ним следует также отнести заместителя директора КИПИ Ян Хуэйгэна (2001–2008).

Развитие арктического научного сотрудничества, по словам западных экспертов, привело к тому, что знания, результаты исследований и научные данные становятся своеобразной «валютой» Арктики, которую неарктические государства путем признания своих заслуг и успехов стремились конвертировать в политическое влияние на арктические дела [1]. В свою очередь, Пекин предпринимает попытку конвертировать свои научные достижения в ресурс выстраивания единой «полярной» идентичности Китая, которая бы подчеркивала статус и роль страны в Антарктике и Арктике, а также подкрепляла бы значение вносимого Китаем вклада в их научное освоение.

На фоне успехов реализации арктического вектора научной деятельности Китая в 1990 – первой половине 2000-х гг. начинается экспертный дискурс вокруг вопроса углубления вовлеченности и повышения статуса страны в полярных регионах. С середины 2000-х гг. дискурс развивается в сторону формулирования подходов к определению новой внешнеполитической идентичности КНР, подчеркивающей его достижения и вклад в научное освоение Арктики и Антарктики.

В декабре 2005 г. впервые с инициативой перехода самопозиционирования Китая от «крупной к сильной полярной научно-исследовательской державе» выступил Ян Хуэйгэн². Она была поддержана в экспертных кругах и получает развитие в рамках официального дискурса. Так, в апреле 2011 г., подводя итоги участия Пекина в 4-м Международном полярном годе, в своей речи министр земельных и природных ресурсов КНР Сюй Шаоши заявил, что научные достижения страны по освоению Арктики и

¹ 《中国的北极政策 (2018) 白皮书》 (全文) (Белая книга «Политика Китая в Арктике»). <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/37884/Document/1618193/1618193.htm> (accessed 07.02.2020)

² Exclusive interview with Yang Huigeng, Deputy Director of Polar Research Institute of China (PRIC), on China's circumnavigation of the globe. *Dalian Evening News*. 2005. (In Chin.). <https://news.sina.com.cn/s/2005-12-05/00437617786s.shtml> (accessed 27.08.2020)

Антарктики позволяют Китаю стать на путь превращения из «крупной в сильную полярную научно-исследовательскую державу»³.

На новом этапе дискурса с начала 2012 г. предпринимаются попытки обобщить и концептуализировать рассуждения в китайских экспертных кругах в идею «сильной полярной научно-исследовательской державы» на основе озвученной Сюй Шаоши формулировки. В январе 2012 г. директор ГОУ КНР Ли Цыгуй (2011–2014) выдвигает т.н. «шесть связей» (*lyinge cize*) – опор формирования Китая как «сильной полярной научно-исследовательской державы», под которыми понимаются:

- 1) профессиональные представления ГОУ КНР с общими общественными для налаживания взаимодействия на всех уровнях;
- 2) общие интересы государства с научными исследованиями в полярных регионах для того, чтобы был положительный комплексный эффект от достижений;
- 3) планы краткосрочных и долгосрочных исследований в целях достижения высоких результатов;
- 4) разработка программ и развитие компьютерной техники;
- 5) исследования в области охраны окружающей среды и освоения природных ресурсов;
- 6) практическая значимость с результатами исследований для обеспечения эффективности повышения уровня жизни и производительности⁴.

Начавшееся обновление внешнеполитической стратегии Китая после смены руководства страны в марте 2013 г., а также одобрение заявки КНР на получение статуса наблюдателя Африканского Союза в мае того же года способствовали замене формулировки «сильная полярная научно-исследовательская держава» на «сильная полярная держава» (*цзиди цянъго*). Это приводит к отходу от опоры в самопозиционировании Китая в Арктике на научные достижения в сторону подчеркивания международно-политического статуса Китая в духе идей Си Цзиньпина.

Новая формулировка быстро входит в оборот официального и экспертного дискурсов, а в сентябре 2013 г. на открытии Всекитайского симпозиума по полярным наукам ряд высокопоставленных лиц КНР назвали идею «строительства сильной полярной державы» одной из составляющих элементов морской стратегии Китая⁵.

В ноябре 2014 г. директор ГОУ КНР Лю Цыгуй в своих разъяснениях тезисов речи Си Цзиньпина на церемонии встречи с экипажем ледокола «Сюэлун» в австралийском Хобарте отметил, что продвижение идеи «строительства сильной полярной державы» будет осуществляться в 2015–2030 гг. и с опорой на усиление нового арктического направления призвано внести вклад в превращение Китая в «сильную морскую державу новой эпохи»⁶.

Однако такая интерпретация этой речи Си Цзиньпина вызвала опасения у западных экспертов, особенно её часть о связи научно-исследовательской деятельности Пекина в полярных регионах с реализацией морской стратегии КНР, а также планов военно-морского строительства до 2050 г. [2, p. 5; 8].

Появление новой формулировки идеи – «сильная полярная держава» – подчеркивает планируемое Пекином расширение сфер деятельности в полярных регионах, в т.ч. возможную экономическую активность, а также пока менее реальную – военно-морскую. Подтверждением допускаемой экономической активности в рамках реализации идеи «строительства сильной полярной державы» выступают положения 13-го пятилетнего плана КНР, утвержденного в марте 2016 г. В частности, в документе сформулирован ряд задач китайской политики в полярных регионах [3].

Во-первых, в рамках намечающегося расширения пространства «голубой» экономики в целях укрепления охраны окружающей среды и морских ресурсов планируется усиление разведки и освоения ресурсов в морских пространствах, углубление научных исследований и изысканий в полярных водах.

Во-вторых, в рамках совершенствования системы международного экономического управления – активизация участия в разработке международных правил в регулировании деятельности в полярных регионах и на морском дне.

³ State Oceanic Administration: China's action plan for the 4th International Polar Year has been successfully implemented 2011. (In Chin.). http://www.gov.cn/jrzq/2011-04/08/content_1840104.htm (accessed 27.08.2020)

⁴ http://www.gov.cn/gzdt/2012-01/09/content_2040075.htm (accessed 07.02.2020)

⁵ Opening of the 2013 All-China Polar Science Symposium. 2013. (In Chin.). <http://www.pric.gov.cn/detail/News.aspx?id=1440d741-0486-4ab1-a6db-60e717df893e> (accessed 07.02.2020)

⁶ http://www.gov.cn/xinwen/2014-11/19/content_2780849.htm (accessed 07.02.2020)

Китайские эксперты охарактеризовали содержание «полярного блока» 12-й и 13-й пятилеток как основу первого этапа «строительства сильной полярной державы», в рамках которого планируется повысить транспортно-технические возможности, оптимизировать систему управления, обеспечить материально-техническую базу передовым оборудованием, техникой для исследований и экспедиций [4].

В мае 2017 г. принимается Декларация XXXIX Консультативного совещания по Договору об Антарктике при активной поддержке Австралии.

В документе к 25-й годовщине Мадридского протокола⁷ страны-участницы подтвердили «неоспоримую и безоговорочную» приверженность его положениям, в т.ч. ст. 7, запрещающей разработку минеральных ресурсов в Антарктике и её акватории до 2048 г.⁸

Это фактически делало маловероятной ожидаемую реализацию перспектив развития австралийско-китайского сотрудничества в антарктическом направлении на фоне встраивания Австралии в создаваемое Соединенными Штатами Индо-Тихоокеанское пространство (ИТП) по сдерживанию Китая. Отсутствие упоминания идеи «строительства сильной полярной державы» в Белой книге ГОУ КНР «Антарктическая деятельность Китая» 2017 г., на наш взгляд, свидетельствует о следующих изменениях в политике Пекина в полярных регионах:

Во-первых, временный отход от реализации идеи «сильной полярной державы», видимо, из-за международного ажиотажа, вызванного её связью с реализацией морской стратегии КНР в полярных регионах и «строительством сильной морской державы».

Во-вторых, откладывание Китаем попыток принять участие в совместном с Австралией и Новой Зеландией освоении минеральных ресурсов, ограничившись лишь научно-исследовательской деятельностью в Антарктике и её акватории. К тому же, по утверждению китайских дипломатов, действующий запрет по Мадридскому протоколу на разработку антарктических минеральных ресурсов дает Пекину необходимое время для подготовки к участию в их освоении [5]. Однако, как отмечают ведущие отечественные специалисты по международному морскому праву, пересмотр положений ст. 7 Мадридского договора даже после 2048 г. представляется маловероятным с учетом различий интересов и потенциалов заинтересованных развитых и развивающихся государств, и, следовательно, выше вероятность её сохранения [6, с. 93–94].

В-третьих, произошел сдвиг экономических интересов Китая в сторону Арктики. Подтверждением этому выступает публикация Госсоветом КНР в январе 2018 г. отдельной арктической Белой книги (а не в целом полярной), в которой были изложены основные контуры экономической деятельности в Арктике, а также официально выдвинуты модели арктической идентичности Китая – «околоарктическое государство», «важное заинтересованное государство-участник» и др. Отсутствие в документе упоминаний идеи «сильной полярной державы» демонстрирует временный отход от неё в пользу встраивания отдельных моделей арктической идентичности Китая.

Другим документом, лишний раз подтверждающим этот сдвиг, выступает 14-й пятилетний план КНР с перспективными целями до 2035 г., где в рамках планируемого углубления участия в глобальном морском управлении предусматривается вовлечение Китая в практическое сотрудничество в Арктике и продвижение идеи «строительства Ледового Шелкового пути»⁹.

В-четвертых, включение полярных широт и районов морского дна в т.н. «новые стратегические рубежи» (*чжаньлюэ синьцзяньюй*), где у Китая долгосрочные интересы. Реализация идеи «сильной полярной державы» является задачей долгосрочной перспективы (2015–2030/35), а «сильной полярной научно-исследовательской державы» (1989–2019) – промежуточной в среднесрочной перспективе, которая уже выполнена. Это в октябре 2019 г. на торжественном открытии Всекитайского симпозиума по полярной науке подтвердил директор ПИИК Ян Хуэйгэн, констатируя, что благодаря усилиям ученых в последние 30 лет Китай вошел в число «крупных полярных научно-исследовательских держав» [7].

Резюмируя эволюцию идеи «сильной полярной державы», отметим следующее:

⁷ The Protocol on Environmental Protection to the Antarctic Treaty. 1991. (In Russ.). <https://base.garant.ru/2541180/> (accessed 07.02.2020)

⁸ XXXIX Antarctic Treaty Consultative Meeting Santiago Declaration on the 25th Anniversary of the signing of the Protocol on Environmental Protection to the Antarctic Treaty. Secretariat of the Antarctic Treaty. Santiago – Chile. 2016. https://documents.ats.aq/ATCM39/ad/ATCM39_ad003_e.pdf (accessed 03.05.2022)

⁹ <https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/ghwb/202103/P020210323538797779059.pdf> (accessed 03.05.2022)

1) идея «сильной полярной научно-исследовательской державы» является результатом внутрикитайского официального дискурса и подходом самопозиционирования Китая, выдвинутым представителями «комсомольцев» – высокопоставленными лицами КНР, координировавшими полярную политику Пекина с середины 2000-х гг. по начало 2010-х гг.;

2) идея «сильной полярной державы» – важная составная часть реализуемой Китаем морской стратегии и планов военно-морского строительства до 2050 г.

О ПОЛИТИКЕ КИТАЯ В «ЧЕТЫРЕХ НОВЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ РУБЕЖАХ»

Тематика «новых стратегических рубежей» актуализируется в начале 2010-х гг. в контексте усиления конкуренции между странами за лидерство в Интернете, космосе, полярных регионах, районах морского дна и др. Толчок к актуализации вопроса китайского лидерства в этих сферах дал руководитель Центра оборонных и политических исследований Академии военных наук Китая Чэнь Чжоу. В декабре 2011 г. он отметил, что конкуренция за лидерство на «новых стратегических рубежах» перерастает в т.н. «мягкую борьбу» (*жжуань чжаньчжэн*), которая географически расширяется до периферийных к Китаю стран Азии и Африки¹⁰.

В 2013–2015 гг. в китайских экспертных кругах сложился консенсус, что Китаю необходимо обеспечить защиту своих приоритетных интересов на 4-х «новых стратегических рубежах» – в Интернете, космосе, полярных регионах и районах морского дна. Так, в феврале 2012 г. заместитель руководителя ГОУ КНР Чэнь Лян выступил с заявлениями о необходимости укрепления связи реализуемой Пекином морской стратегии с интересами Китая на «новых стратегических рубежах»¹¹, а в июле 2015 г. принимается Закон о национальной безопасности КНР, в котором Пекин обозначил, что будет защищать свои интересы на этих рубежах¹².

В 2015 г. концептуальная основа китайского представления о рубежах закрепились в понимании тесной взаимосвязи обеспечения национальной безопасности и активного участия Пекина в реформировании системы глобального управления¹³, а с 2016 г. – с целями «строительства сильной морской державы и сильной полярной державы»¹⁴.

К октябрю 2016 г. сформировалась консолидированная позиция о «четырех новых стратегических рубежах» (*сыда чжаньлюэ синьцзяньюй*) как сферах глобального управления¹⁵, а к 2017 г. Си Цзиньпин открыто выдвигает пути реализации своей политики в рубежах.

В дискуссиях сложился консенсус вокруг позиции о месте Арктики в рубежах, выдвинутой профессором Юридического факультета Океанского университета Китая Лю Хуэйчжун. Она отнесла Арктику к разделу о морской стратегии Китая в «новых стратегических рубежах». По её мнению, это обусловлено тем, что Пекин, прежде всего, планирует проводить самостоятельную политику в районах морского дна центральной части Северного Ледовитого океана в условиях «Арктики безо льда». В этой связи последние следует рассматривать как один стратегический рубеж в рамках арктического региона, объединяющего в себе полярные широты и районы морского дна [8].

В перспективе Лю Хуэйчжун видит эту версию как основу более широкого глобального сотрудничества, связывающего Мировой океан [8]. Как отмечают пекинские эксперты Цю Циньчао и Ван Хаймэй, рост геополитической значимости Арктики создает «новый рубеж» всеобщего сотрудничества в Мировом океане, а не зону конфронтации (см. [9]).

¹⁰ Increasing global competition for the resources of the “Strategic New Frontiers” shows that it is turning into a “soft struggle”. *China Economy’s Weibo page*. 2011. (In Chin.). <https://finance.sina.com.cn/roll/20111228/092911082109.shtml> (accessed 07.02.2020)

¹¹ State Oceanic Administration of the PRC: Make greater efforts to ensure the implementation of maritime strategy and protect interests in the “Strategic New Frontiers”. *Xinhua News*. 2014. (In Chin.). <https://www.163.com/news/article/9M1ACKL100014JB5.html> (accessed 07.02.2020)

¹² The National Security Law of the People’s Republic of China. Website of the State Council of the PRC. 2015. (In Chin.). http://www.gov.cn/xinwen/2015-07/01/content_2888316.htm (accessed 07.02.2020)

¹³ Strategic New Frontiers and National Security. Expert Forum Aims at Building a Space Network. 2015. (In Chin.). http://www.cac.gov.cn/2015-12/04/c_1117354623.htm (accessed 07.02.2020)

¹⁴ Annual Polar Science Forum: What problems are planned to be studied under the “Strategic New Frontiers” policy. *People’s Daily Online*. 2016. (In Chin.). <http://scitech.people.com.cn/n1/2016/1027/c1007-28813212.html> (accessed 07.02.2020)

¹⁵ Internet space and global governance of “Strategic New Frontiers”. China Internet Information Center. 2016. (In Chin.). http://views.ce.cn/view/ent/201610/11/t20161011_16622882.shtml (accessed 07.02.2020)

Таким образом, «четыре новых стратегических рубежа» – это обозначенные Пекином приоритеты и национальные интересы в сфере обеспечения безопасности и глобального лидерства в Интернете, космосе, районах морского дна и полярных регионах.

В то время как Арктика в рамках «четырех новых стратегических рубежей» позиционируется Пекином как сфера глобального управления, связывающая в своих региональных рамках остальные три – районы морского дна, космос и Интернет. Это можно показать на примере реализации проекта китайской спутниковой навигационной системы «Бэйдоу».

Включение Арктики в рубежи и растущая китайская активность демонстрирует то, что в расстановке приоритетов Пекина она рассматривается в качестве первостепенных.

Коммерческий интерес Китая к арктическим пространствам обусловлен постепенным ростом потребностей китайской экономики. Попытки вовлечения Китая в формирующуюся региональную систему экономического регулирования в Арктике являются частью китайской политики и усилий по реформированию глобального экономического управления. Подтверждением этого выступает включение полярных широт в приоритетные «новые стратегические рубежи» международной политики Китая.

НОРМАТИВНАЯ БАЗА АРКТИЧЕСКОГО ВЕКТОРА ПОЛЯРНОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

С середины 2010-х гг. в Китае идет формирование нормативной базы арктического (научного) вектора полярной политики. Нормативными документами, определяющими характер арктического вектора общей китайской политики в полярных регионах, выступают Закон о национальной безопасности КНР, пятилетние планы, доклад Государственного комитета по делам развития и реформ КНР (ГКРР КНР) и ГОУ КНР «Размышления о строительстве морского сотрудничества в рамках инициативы “Пояса и пути”»:

1) В рамках п. 32 ст. 2 Закона о национальной безопасности КНР предусмотрены следующие меры¹⁶:
– продолжение «мирного» изучения и освоения районов международного морского дна и полярных широт за пределами Китая путем укрепления безопасности доступа к ним, проведения научных исследований, а также наращивания потенциала для их освоения;

– обеспечение защиты деятельности Китая в районах международного морского дна и полярных широт, в т.ч. имущества и других интересов.

2) В рамках 13-го пятилетнего плана (2016–2020) поставлены следующие задачи¹⁷:
– усиление разведки и освоение ресурсов в морских пространствах, углубление научных исследований и изысканий в полярных водах в рамках намечающегося расширения пространства «голубой» экономики в целях укрепления охраны окружающей среды и морских ресурсов;
– активизация участия в разработке международных правил в регулировании деятельности в полярных регионах и районах морского дна.

При этом, согласно оценкам экспертов, содержание «полярного блока» 13-й пятилетки было охарактеризовано как основа первого этапа «строительства сильной полярной державы», в рамках которого планируется повысить транспортно-техническую мобильность, оптимизировать систему управления, обеспечить материально-техническую базу передовым оборудованием и техникой для проведения исследований и экспедиций [10].

3) В 14-м пятилетнем плане (2021–2025) с перспективными целями до 2035 г. наблюдается следующее распределение задач в его «полярном блоке»¹⁸ [11]:

– вовлечение Китая в практическое сотрудничество в Арктике и продвижение идеи «строительства Ледового Шелкового пути» в рамках углубления участия в глобальном морском управлении;

¹⁶ “The National Security Law of the People’s Republic of China”. Website of the State Council of the PRC. 2015. (In Chin.). http://www.gov.cn/xinwen/2015-07/01/content_2888316.htm (accessed 07.02.2020)

¹⁷ Basic Provisions of the 13th Five-Year Plan for the Social and Economic Development of the People’s Republic of China. Website of the State Council of the PRC. 2016. (In Chin.). <https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/ghwb/202103/P020210323538797779059.pdf> (accessed 03.05.2022)

¹⁸ Basic Provisions of the 14th Five-Year Plan for the Social and Economic Development of the People’s Republic of China with Vision 2035. Website of the National Development and Reform Commission. 2021. P. 81. (In Chin.). <https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/ghwb/202103/P020210323538797779059.pdf> (accessed 03.05.2022)

– продолжение реализации научной повестки путем создания площадки по многомерному мониторингу полярных регионов, а также строительства тяжелых ледоколов.

Важно заметить, что в 14-й пятилетке зафиксирован сдвиг в сторону превалирования экономической повестки в Арктике.

Учитывая то, что строительство ледокола «Сюэлу-2», по западным и китайским оценкам, уже воспринимается как шаг к строительству первого атомного авианосца или платформы для активизации военно-морской деятельности Китая в полярных регионах, а также, вероятно, и в докладе ГКРП КНР и Государственного океанологического управления (ГОУ КНР) «Размышления о строительстве морского сотрудничества в рамках инициативы “Пояса и пути”» (2017) определены основные контуры реализации идеи создания голубого экономического коридора, связывающего Китай с Европой через Северный Ледовитый океан.

Таким образом, видно, что нормативно-правовая база арктического вектора полярной политики более развита в сравнении с той правовой основой, которая формируется под отдельную арктическую политику. Формально отправной точкой можно считать публикацию в январе 2018 г. Белой книги Государственного совета КНР «Политика Китая в Арктике».

Особенностью нормативно-правовой базы арктического вектора Пекина в рамках общей полярной политики выступает акцент на усиление законодательного обеспечения защиты интересов страны в полярных регионах, а также её имплементации через официальные документы Государственного совета КНР, ГКРП КНР и ГОУ КНР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя вышеизложенное важно отметить, что Арктика по-прежнему продолжает оставаться частью общей полярной политики, включающей:

- отдельное международно-политическое самопозиционирование Китая в полярных регионах – «сильная полярная держава», коррелирующее с реализуемой Пекином морской стратегией и военно-морским строительством;
- развитую нормативную базу в сравнении с формируемой правовой основой отдельной арктической политики с четким указанием связи с государственной политикой безопасности и планами социально-экономического развития Китая;
- арктический сегмент «четырёх стратегических рубежей», включающий сферы полярных широт и районов морского дна.

В последние годы наблюдается углубление российско-китайского научного сотрудничества в Арктике, потенциал которого, как отмечают отечественные исследователи, продолжает возрастать [12].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Steinberg Philip E., Bruun Johanne M., Medby Ingrid A. 2014. Covering Kiruna: a natural experiment in Arctic awareness, *Polar Geography*, 37:4, 273–297, DOI: 10.1080/1088937X.2014.978409
2. Brady A. 2017. The Rise of a New Polar Power. In China as a Polar Great Power. Cambridge: Cambridge University Press. DOI:10.1017/9781316832004.002
3. Sørensen Camilla T.N. 2018. China as an Arctic Great Power. Potential Implications for Greenland and the Danish Realm. Policy Brief. Royal Danish Defence College. <https://www.fak.dk/globalassets/fak/dokumenter/publikationer/-china-as-an-arctic-great-power---2018-.pdf> (accessed 07.02.2020)
4. Ma Li. The 12th Five-Year Plan will enable China to become a ‘major polar research power’. *The Beijing News*. 2011. (In Chin.). <https://www.bjnews.com.cn/detail/155143897514659.html> (accessed 07.02.2020)
5. Wo Yilin. 2009. The Problem of Mineral Resources Development in the Context of the Evolution of the Antarctic Treaty System. *Journal of Ocean University of China (Social Science Issue)*. (05). (In Chin.). <https://gb.global.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?filename=ZGHZ200905004&dbcode=CJFQ&dbname=CJFD2009&v=> (accessed 03.05.2022)
6. Гудев П.А. Проблемы Системы Договора об Антарктике (политико-правовые аспекты). *Общественные науки и современность*. 2021. № 6. С. 91–103. DOI: 10.31857/S086904990017873-2
Gudev P. 2021. Problems of the Antarctic Treaty System (Political and Legal Aspects). *Social Sciences and Contemporary World*, № 6, pp. 91–103. (In Russ.). DOI: 10.31857/S086904990017873-2

7. Zhang Jiangsun, Liu Shipin. Yang Huigeng: After 30 years, China has become one of the 'major polar research powers'. Website of Ministry of Ecology and Environment of PRC. 2019. (In Chin.). https://www.mnr.gov.cn/dt/ywbb/201910/t20191010_2470230.html (accessed 03.05.2022)
8. Liu Huizhong. 2018. Reflections on the Legal Regulation of the Maritime Strategy of the "Strategic New Frontiers". *Journal of Pacific Security and Maritime Studies*. Iss. 4. (In Chin.). <https://aoc.ouc.edu.cn/2020/0430/c9821a285759/pagem.htm> (accessed 15.02.2021)
9. Qiu Qingchao, Wang Haimei. 2021. Chinese Arctic Studies in the 21st Century: Progress and Challenges – Interview with Assistant and Research Fellow Xu Qingchao. *Journal of International Policy Studies* (Bimonthly Edition). Iss. 4. (In Chin.). <https://www.jis.pku.edu.cn/docs/2021-08/20210831164833748161.pdf> (accessed 08.12.2021)
10. Liu Shengping, Zhang Jiansong. 2016. State Oceanic Administration of the PRC: Implementation of the 13th Five-Year Plan is the initial stage in the establishment of a strong world-class polar power. *People's Daily Online*. (In Chin.). <http://politics.people.com.cn/n1/2016/1028/c1001-28815488.html> (accessed 07.02.2020)
11. Lanteigne Marc. 2019. The changing shape of Arctic security. *NATO Review*. <https://nato.int/docu/review/articles/2019/06/28/the-changing-shape-of-arctic-security/index.html> (accessed 09.08.2020)
12. Петровский В.Е., Филиппова Л.В. Россия и Китай в Арктике. Институт Дальнего Востока РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. С. 88–101.
Petrovsky V., Filippova L. 2022. Russia and China in the Arctic. Moscow. Pp. 88–101.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Николаев Николай Анатольевич, м.н.с. Сектора экономики и политики Китая Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия.

Nikolai A. Nikolaev, Junior Researcher, Sector of Economy and Politics of China, Center for Asia Pacific Studies, IMEMO, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 05.11.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 26.12.2023

Принята к публикации
(Accepted) 23.01.2024